

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821

doi: 10.17223/19986645/78/5

Русская антиутопическая традиция (Ф.М. Достоевский, Е.И. Замятин) и О. Хаксли: проблема рецептивного посредничества Н.А. Бердяева

Дмитрий Леонидович Быстренков¹, Алексей Аширович Казаков²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *inkisback@mail.ru*

² *aakaz1975@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются приметы сходства романа Хаксли «О дивный новый мир» с «Великим инквизитором», вставным произведением из «Братьев Карамазовых» Достоевского, и романом Замятина «Мы». Связь романа «О дивный новый мир» с названными русскими произведениями может быть рассмотрена как объективный факт с учётом посредничества Н.А. Бердяева. По линии Достоевский – Бердяев – Хаксли важны идеи системного обмана и инфантилизации общества. В треугольнике Замятин – Бердяев – Хаксли значимы антиномии статичности и динамики, дикого и цивилизованного.

Ключевые слова: Хаксли, Достоевский, Замятин, Бердяев, антиутопия, русско-европейские литературные связи, компаративистика, «О дивный новый мир», «Великий инквизитор», «Мы»

Для цитирования: Быстренков Д.Л., Казаков А.А. Русская антиутопическая традиция (Ф.М. Достоевский, Е.И. Замятин) и О. Хаксли: Проблема рецептивного посредничества Н.А. Бердяева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 99–113. doi: 10.17223/19986645/78/5

Original article

doi: 10.17223/19986645/78/5

Russian dystopian tradition (Fyodor Dostoevsky, Yevgeny Zamyatin) and Aldous Huxley: The problem of Nikolai Berdyaev's receptive mediation

Dmitriy L. Bystrenkov¹, Alexey A. Kazakov²

^{1,2} *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *inkisback@mail.ru*

² *aakaz1975@gmail.com*

Abstract. In the article, we analyze the connection of Huxley's *Brave New World* with the Russian anti-utopian tradition. One can note the significant proximity of

Huxley's dystopia and the "Grand Inquisitor" from *The Brothers Karamazov* by Dostoevsky, and, in another aspect, the relationship with the novel *We* by Zamyatin. The Grand Inquisitor shows the unusual ambivalence of the culprits of total enslavement: they take away freedom (in this sense, they are undoubtedly villains), but there is also a special self-sacrifice in this situation. By deceiving humanity, they give people infantile happiness, while they themselves know the truth and are deprived of this feeling. This is what we see in Huxley. Nowadays there are many works that use this outline on the basis of Dostoevsky and Huxley materials (from *Fahrenheit 451* (1953) by Ray Bradbury to *Prisoners of Power* (1969) by the Strugatsky brothers). But by the time *Brave New World* was written, this model could only be found in The Grand Inquisitor. Zamyatin's and Huxley's dystopias are similar in the general theme of sameness and standardity, sexual "mutual use", and much more. At the same time, it is impossible to prove the fact that Huxley read this Dostoevsky's text (despite the fact that the influence of other works of the Russian writer is confirmed), and Huxley directly denied reading Zamyatin's novel. The article proposes methods for studying such a comparative collision. The connection of *Brave New World* with the above-mentioned Russian works can be considered as an objective fact, taking into account the intermediary – Nikolai Berdyaev. Huxley's novel begins with an epigraph from one of Berdyaev's articles included in the *Novoe srednevekov'e* [New Middle Ages] collection. Berdyaev published this work in Berlin in 1924, Huxley quoted the Paris edition of 1927 in a French translation. An analysis of the texts of this book by Berdyaev allows us to see what ideas of Russian literature could reach Huxley through this mediation. The ideas of systematic deception and an infantilization of society are very important in the line of Dostoevsky – Berdyaev – Huxley. In the triangle of Zamyatin – Berdyaev – Huxley, antinomies of statics and dynamics, the wild and the civilized are essential. Berdyaev's historiosophical context shows that Huxley connects what is happening in his novel with issues of the end of the historical era of the Modern Times and the onset of the New Middle Ages. The dystopia becomes a summary of the results of one of the apical eras of the whole European civilization that gave birth to utopian dreams of a happy future rather than a pamphlet or a satire on a hostile social ideology or a specific unfriendly country (this context is important for Berdyaev, too). Russian dysutopias are usually connected with the internal historical experience. But Dostoevsky addresses the utopism of the Modern Times externally, as spiritual aspirations alien to Russia. Searches of the Modern Times express mainly processes that happen in European civilization, and Russia is marginalized in relation to them. Huxley looks at utopian dreams from the outside, because he is already in a different era, and Dostoevsky because he belongs to a different cultural tradition. Zamyatin, on one hand, is persecuted for his novel as an anti-Soviet writer (i.e., dystopia turns out to be an event of intra-national struggle); on the other hand, *We* directly continues Zamyatin's "English" novels, i.e., reflects his European experience and is opposed to Russian "skifstvo".

Keywords: Huxley, Dostoevsky, Zamyatin, Berdyaev, dystopia, Russian-European literary connections, comparative studies, *Brave New World*, "The Grand Inquisitor", *We*

For citation: Bystrenkov, D.L. & Kazakov, A.A. (2022) Russian dystopian tradition (Fyodor Dostoevsky, Yevgeny Zamyatin) and Aldous Huxley: The problem of Nikolai Berdyaev's receptive mediation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 99–113. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/5

О. Хаксли и русская антиутопическая традиция

О. Хаксли, создавая роман «О дивный новый мир» (1932), с одной стороны, развивает сформированную Г. Уэллсом традицию мрачного пророчества в фантастической стилистике, с другой стороны, стремится обозначить высокий историософский уровень собственной художественной проблематики, связывая происходящее в его романе с вопросами окончания исторической эпохи Нового времени и наступления Нового Средневековья. Антиутопия становится не памфлетом или сатирой на враждебную социальную идеологию или на какую-то конкретную недружественную страну, а подведением итогов одной из вершинных эпох всей европейской цивилизации.

Вера в счастливое будущее, построенное людьми на земле, в разум и науку как инструменты этого строительства и вообще убежденность в светлой и позитивной природе самого человека – всё это свойственно именно для Нового времени (и не было характерно для других исторических эпох). Хаксли предлагает осознанно воспринимать антиутопию как проявление эпохального сдвига в мировоззрении, разочарования в мечтах и чаяниях Нового времени в связи с его окончанием.

Этот историософский слой обеспечивается, во-первых, контекстом Шекспира: название «О дивный новый мир» – цитата из «Бури», в романе Хаксли Шекспира читают или, напротив, выбрасывают на свалку, учатся по нему грамоте или запрещают, признав негодным для нового мира. Шекспир – хронологическое олицетворение, он воплощает тот момент Нового времени, когда начали мечтать о «дивном новом мире». Теперь, по Хаксли, настало время подводить итоги этих мечтаний.

Во-вторых, историософскую (а не памфлетно-сатирическую) нацеленность романа Хаксли подчеркивает эпиграф из Николая Бердяева, одного из философских идеологов антиутопизма и концепции Нового Средневековья¹.

О. Хаксли в качестве эпиграфа к своей антиутопии приводит слова Н.А. Бердяева: «Но утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления. Жизнь движется к утопиям. И открывается, быть может, новое столетие мечтаний интеллигенции и культурного слоя о том, как избежать утопий, как вернуться к не утопическому обществу, к менее «совершенному» и более свободному обществу» [2. С. 587–588]. (После слов «Жизнь движется к утопиям» и перед «И открывается» пропуск текста примерно на полстраницы, не отмеченный Хаксли.)

Эпиграф из Бердяева позаимствован из статьи «Демократия, социализм и теократия», которая наряду с «Новым средневековьем» и «Размышлени-

¹ Некоторые аспекты цитирования Шекспира и Бердяева у Хаксли по преимуществу в ключе концепции интертекста рассмотрены в работе К.И. Шариповой «Функции литературных цитат в романе О. Хаксли “О дивный новый мир”» [1].

ями о русской революции» вошла в небольшой авторский сборник русского философа «Новое средневековье (Размышление о судьбе России и Европы)», который был выпущен в Берлине в 1924 г.

Далее это философское произведение было переиздано на французском языке с точным воспроизведением сути заглавия: «*Le Nouveau Moyen Âge. Réflexions sur les destinées de la Russie et de l'Europe*», 1927. Этот сборник переведен с французского на английский с изменением названия «*The End of Our Time*» («Конец нашего времени») и издан в 1933 г. (т.е. после издания романа «О дивный новый мир»). Хаксли во время написания романа был знаком именно с французским переводом работы Бердяева¹. Сам эпиграф в романе О. Хаксли приведен на французском языке: «*Les utopies apparaissent comme bien plus réalisables qu'on ne le croyait autrefois. Et nous nous trouvons actuellement devant une question bien autrement angoissante: Comment éviter leur réalisation définitive? Les utopies sont réalisables. La vie marche vers les utopies. Et peut-être un siècle nouveau commence-t-il, un siècle où les intellectuels et la classe cultivée rêveront aux moyens d'éviter les utopies et de retourner à une société non utopique, moins 'parfaite' et plus libre*» [4. С. 5] и подписан как *Nicolas Berdiaeff*, без указания определенной работы автора.

Ещё раз подчеркнём, что, несмотря на то, что в английском переводе названия книги Бердяева будут поставлены другие историософские акценты, Хаксли опирается на французский вариант, а значит, идеи Бердяева для него тесно связаны с общим комплексом вопросов об эпохальном сломе, окончании Нового времени и начале Нового Средневековья.

Бердяев пишет в статье «Новое средневековье», открывающей одноимённый сборник (эпиграф взят из другой статьи этой брошюры): «Старый мир новой истории (он-то, именующий себя все еще по старой привычке «новым», состарился и одряхлел) кончается и разлагается, и нарождается неведомый еще новый мир» [2. С. 513]. Как можно видеть, русский философ не только ставит вопрос об окончании эпохи Нового времени (которое теперь стало «старым»), но и размышляет о природе создающегося «нового мира», заставляя нас видеть в названии романа Хаксли «О дивный новый мир» не только шекспировский контекст.

Хаксли использует идею Бердяева о «новом средневековье» в «Возвращении в дивный новый мир», где он утверждает, что «безличные силы перенаселения и чрезмерной организации, а также социальные инженеры, которые пытаются направить эти силы, подталкивают нас в направление системы нового средневековья» [5. С. 14].

Но не менее важно, что эпиграф из Бердяева показывает значимость русской традиции антиутопической мысли, которая в нашем исследовании связывается с художественным наследием Ф.М. Достоевского и Е.И. Замятина (Достоевского нельзя в строгом смысле считать автором антиутопий,

¹ См. б этом также: Hoyles J. The Literary Underground: Writers and the Totalitarian Experience [3. P. 121–123].

но можно с полным правом назвать предтечей этой общественно-философской и жанровой традиции).

Предложенный Хаксли угол зрения: антиутопия – выражение эпохального слома, а не идеологической борьбы стран с разными социально-политическими режимами, подталкивает нас к тому, чтобы мы присмотрелись и к природе русской антиутопии. Традиционно эта линия связывается с историей социального эксперимента в России XX в. Но Достоевский подходит к утопизму Нового времени иначе, с внешней точки зрения, как к чуждому для России духовному устремлению. Ведь искания Нового времени выражают в основном процессы, происходящие в европейской цивилизации, а Россия по отношению к ним находится в маргинальном положении. В итоге получается позиция, похожая на то, что мы видим у Хаксли: автор романа «О дивный новый мир» смотрит на утопические мечты извне, потому что он уже в другой эпохе, а Достоевский – потому что он в иной культурной традиции.

Сложнее в этом ключе оценить позицию Замятина. С одной стороны, он за свой роман подвергается гонениям как антисоветский писатель (т.е. антиутопия оказывается событием внутринациональной борьбы), с другой стороны, роман «Мы» напрямую продолжает «английские» повести писателя, т.е. выражает его европейский опыт и противопоставляется русскому скифству.

С учётом этих фактов русская традиция антиутопического мышления особенно близка О. Хаксли. Однако вопрос про русский след в антиутопии Хаксли нельзя считать простым и линейным.

Рецептивная коллизия

Влияние Ф.М. Достоевского на Хаксли – неоспоримый факт. Формирование облика зрелого творчества британского писателя приходится на время «культы Достоевского» (по выражению Хелен Мачник [6]). Пик влияния русского классика на Хаксли приходится на 1920-е гг., последний многократно упоминает Достоевского и его героев в письмах и непосредственно в тексте произведений: «Не будет ли это слишком по-русски? Слишком по-ставрогински?» [7. Р. 228]; «Смейтесь, смейтесь, дружище Достоевский, но разрешите Вам сказать, что настоящим идиотом следует назвать не Мышкина, а Ставрогина» [8. С. 263].

При этом контекст Достоевского не упомянут и не обозначен прямо в романе «О дивный новый мир» (1932). Важно также то, что Хаксли практически не упоминает роман «Братья Карамазовы» и, конкретнее, «поэму» Ивана Карамазова «Великий инквизитор», которая является ключевым претекстом антиутопической традиции в наследии Достоевского. В центре внимания британского писателя «Идиот» и «Бесы». Последний роман также важен с точки зрения влияния Достоевского на антиутопию XX в., и это тоже может быть темой отдельного исследования, но в этой статье нас будет интересовать другая рецептивная коллизия: модель утопии, критикуе-

мая в антиутопии Хаксли, строится по тем же принципам, что в «Великом инквизиторе», при этом нет прямых свидетельств знакомства британского писателя с этим текстом Достоевского (при общем высоком количестве прямых ссылок на русского мастера).

Речь идёт о следующих совпадениях: Главноуправляющий Мустафа Монд предлагает герою-диссиденту Бернарду Марксу присоединиться к управлению «дивным новым миром» и открывает ему тайну, заключающуюся в том, что всё руководство состоит из инакомыслящих, которые знают правду о глобальном обмане, лежащем в основе этой социальной системы. Иначе говоря, здесь, как в «Великом инквизиторе» Достоевского, создатели этого мира отбирают у людей свободу и держат их во лжи ради блага человеческого большинства, превращая их жизнь в вечное детство. При этом сами они – меньшинство, которое знает правду, и поэтому для них всеобщее счастье инфантильного неведения и безответственности недоступно.

К нашему времени создано много произведений, в которых с опорой на Достоевского и Хаксли используется эта схема (от «451 градус по Фаренгейту» (1953) Р. Бредбери до «Обитаемого острова» (1969) братьев Стругацких). Но к моменту написания романа «О дивный новый мир» эту модель можно было встретить только в «Великом инквизиторе» (традиция антиутопической мысли Г. Уэллса, чьё влияние на эту тематическую линию, возможное, выше, чем у Достоевского, строится на основе других принципов). При этом эта схема слишком парадоксальна по исходному посылу и содержит слишком много элементов, чтобы повториться случайным образом. Но никаких прямых доказательств, что Хаксли опирался на роман «Братья Карамазовы» и даже вообще прочитал его к моменту работы над антиутопией нет, а этот писатель всегда откровенно говорил о литературных истоках своих произведений.

Косвенное отношение к проблеме может иметь тот факт, что, помимо более ранней полной публикации «Братьев Карамазовых» на английском языке, в 1930 г. (т.е. за два года до публикации антиутопии Хаксли) отдельным изданием в Великобритании вышел «Великий инквизитор»: F.M. Dostoevsky. The Grand Inquisitor. Tr. by S. S. Kotliansky. Introduction by D.H. Lawrence. London, 1930 [9. С. 517], что, конечно, должно было привлечь специальное внимание к этому вставному произведению¹.

Переходим к вопросу о влиянии наследия Е.И. Замятина.

Между романами Замятина и Хаксли очень много точек пересечения. И там и там идёт речь об обществе сексуального взаимопользования. В

¹ Этот факт, а также некоторые другие вопросы возможного влияния Ф.М. Достоевского на О. Хаксли рассмотрены в выпускной квалификационной работе бакалавра М.С. Васильевой ««Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского и «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли: к проблеме творческого взаимодействия», защищённой в 2019 г. в Томском государственном университете под научным руководством А.А. Казакова, одного из авторов данной статьи.

романе «Мы»: «Вы делаете заявление, что в свои дни желаете пользоваться номером таким-то (или таким-то), и получаете надлежащую талонную книжечку (розовую). Вот и все» [10. С. 225]. У Хаксли: «...как они тут взаимопользуются. Ведь каждый принадлежит всем остальным, ведь цивилизованному так?» [11. С. 56].

У Замятина мы видим стройные ряды шагающих по зеркальным улицам номеров: «И вот, так же как это было утром, на эллинге, я опять увидел, будто только вот сейчас первый раз в жизни, увидел все: непреложные прямые улицы, брызжащее лучами стекло мостовых, божественные параллелепипеды прозрачных жилищ, квадратную гармонию серо-голубых шеренг» [10. С. 214]. Нечто похожее встречается и у Хаксли: «Лунный луч, шеренга белых кроваток; тихий голос произносит вкрадчиво (слова те после стольких повторений остались незабыты, сделались незабываемы): «Каждый трудится для всех других» [11. С. 36]; «Завидя книги и цветы, детские шеренги смолкли и двинулись ползком к этим скоплениям цвета, к этим красочным образам, таким празднично-пестрым на белых страницах» [11. С. 15].

Впрочем, мотивы «одинаковости», «муравейника» и «общих жён» в социализме обыгрывались уже и в XIX в. как противниками утопической мысли, так и сторонниками (вспомним благородную «передачу» жены другу в романе Н. Чернышевского «Что делать?»).

Для многих критиков сходство романов «Мы» (1920) и «О дивный новый мир» (1932) было настолько очевидным, что они говорили о влиянии Замятина на Хаксли как о доказанном факте, а некоторые, например Дж. Оруэлл, прямо обвиняли Хаксли в плагиате: «Первое, что бросается в глаза при чтении «Мы», – факт, я думаю, до сих пор не замеченный, – что роман Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», видимо, отчасти обязан своим появлением этой книге» [12. С. 306]. Сам же Хаксли утверждает, что не читал роман Замятина, а по поводу схожести концепций заявил, что «эти идеи находятся в воздухе, которым мы дышим» [13. Р. 13].

Образное объяснение Хаксли очень похоже на то, как в 1932 г. У. Фолкнер объясняет причины сходства его романа «Шум и ярость» и «Улисса» Дж. Джойса, который писатель ещё не успел прочитать ко времени работы над своим произведением: «Вы знаете, иногда я думаю, что, должно быть, существует своего рода пыльца идей, которая разносится по воздуху и оплодотворяет однородные умы, не имеющие между собой прямого контакта. Разумеется, я слышал о Джойсе. Кто-то рассказал мне о том, что он делает, и, возможно, на меня повлияло услышанное» [14].

Фолкнер не только ссылается на чудесную связь умов «по воздуху», но и предлагает более приземлённое объяснение: влияние может быть не прямым, а опосредованным через круг общения и чтения. Именно этот аспект рецептивной феноменологии мы предлагаем рассмотреть методологически ответственно. При отсутствии прямого влияния (автор не читал этот текст или доказать факт чтения невозможно) рецептивная преемственность сохраняет объективный характер (не является мистической пе-

редачей «идеи, носящейся в воздухе»), потому что можно доказать знакомство писателя с автором-посредником, пересказывающим основную суть источника.

Одним из очевидных рецептивных посредников между Хаксли и русской литературной традицией антиутопического мышления был Н. Бердяев.

Достоевский, Бердяев и Хаксли

Некоторые размышления Бердяева напрямую связывают этого философа и Хаксли (помимо контекста Достоевского или Замятина).

В общей структуре «романа-диспута» Хаксли не выделяется доминирующая, «правильная» идеология, доставшаяся нам по наследству от предыдущей эпохи: социализм исторически был в конфликте с капитализмом, но в «дивном новом мире» они одинаково становятся истоками утопии, в равной степени используются имена и Маркса и Ротшильда. Так же считает Бердяев – эти учения одноприродны, порождены общими процессами конца Нового времени: «Социализм есть плоть от плоти и кровь от крови капитализма. Они стоят на одной и той же почве, один и тот же дух или, вернее, одно и то же отрицание духа движет ими. Свое безбожие социализм унаследовал от буржуазно-капиталистического общества XIX века» [2. С. 590].

У Хаксли индивидуализм шекспировского человека (т.е. человека, стоящего у истоков нововременного индивидуализма) вырождается в обезличенность массового человека дивного нового мира. У Бердяева читаем: «Индивидуализм менее всего укрепляет личность, образ человека. И в индивидуалистическую эпоху совсем не процветают яркие индивидуальности, сильные личности. Индивидуалистическая цивилизация XIX в. с ее демократией, с ее материализмом, с ее техникой, с общественным мнением, прессой, биржей и парламентом способствовала понижению и падению личности, отцветению индивидуальности, нивелировке и всеобщему смешению» [2. С. 523].

Но в контексте данной работы русский философ нам интересен именно как возможный посредник между Хаксли и русскими писателями.

В статье, фрагмент которой берёт в качестве эпиграфа Хаксли, Бердяев пишет о социализме: «Он есть система Великого Инквизитора и Шигалева. Он хочет решить судьбу человеческих обществ, отрицая свободу духа» [2. С. 586]. «Великий инквизитор» определённым образом оказывается в кругозоре Хаксли, пусть и в пересказе русского философа.

Бердяев связывает суть антиутопической смысловой коллизии именно с идеями Достоевского: «Нет уж, нужно выбирать – или социализм, или свобода духа, свобода совести человеческой. Это гениально понимал Достоевский» [2. С. 588].

И уже без ссылки на Достоевского вводит два важнейших мотива, на которые мы раньше указывали как на наиболее заметные черты сходства между романом британского писателя и «Великим инквизитором». Первый

мотив – инфантильная безответственность: «Социализм хочет приготовить счастливых младенцев, не знающих греха» [2. С. 589].

Второй мотив – системный обман, лежащий в основе такого общества. Бердяев пишет о символической фиктивности онтологического содержания социализма, как и у старых теократий, которая заключается в том, что провозглашённый действительный приход Царства Божьего (в старых теократиях) или социализма (в современной истории) на землю недостижимы и могут только симулироваться [2. С. 591–593]. Здесь, правда, ничего не говорится о властителях, которые сами знают правду, но ради блага остальных обманывают их, как это было у Достоевского и Хаксли.

Важный для Бердяева мотив поклонения дьяволу в социалистической псевдотеократии, который можно привязать к Достоевскому (Великий инквизитор отрекается от Христа в пользу «древнего премудрого духа», который искушал Христа в пустыне), Хаксли не перенимает.

Замятин, Бердяев и Хаксли

Случай Замятина сложнее. С одной стороны, Бердяева и Замятина объединяет то, что они современники, а значит, есть общность национальной литературной и общественно-философской среды. С другой стороны, у нас нет достоверных сведений ни о знакомстве Бердяева с романом «Мы» к моменту написания эмигрантских трудов, повлиявших на Хаксли, ни о прочтении Замятинным работ русского философа 1910-х гг. (Возможно, здесь нужно будет найти ещё одного или нескольких посредников.)

О.А. Казнина указывает на то, что в бердяевском трактате «Новое религиозное сознание и общественность» (1907) подчёркивалась значимость категории «мы» в идеологическом монологе Великого инквизитора Ф.М. Достоевского [15. С. 157–170]. Это может быть не случайным совпадением, а косвенным доказательством того, что Замятин учитывал бердяевское осмысление антиутопических идей Достоевского.

Противопоставление совершенства и свободы у Бердяева сходится по смыслу с антитезой энергии и энтропии Замятина. Как в английских произведениях, романе «Мы» и в неоконченном романе «Бич Божий», так и в многочисленных публицистических работах писатель противопоставляет совершенное, выверенное и математически вычисленное общество духу постоянного движения, абсолютной свободы, «скифства».

В «Философии неравенства» (написана в 1918-м, опубликована в 1923-м) и «Судьбе России» (1923) Н. Бердяев использовал категорию «скифство», хотя и считал его аналогией варварства, которое надо преодолеть за счёт прививки византийского «эллинства» [2. С. 283–284].

Но при этом разночтении в терминах Бердяев тоже был защитником принципа движения и противником стагнации. Это мы видим в его различении принципа человеческой свободы и звериной механистичности, характерной, по Бердяеву, и для ангелов, которые были слугами Бога, а не детьми – это касается и падшего ангела: «Ибо ангелы – лишь оправа Божь-

ей славы. Природа ангелов статическая. Человек – динамичен. Человеком, а не ангелом стал Сын Божий, и человек призван к царственной и творческой роли в мире, к продолжению творения. Человек сотворен по образу и подобию Божьему; зверь – по образу и подобию ангельскому. Поэтому в мире есть динамически-творческая бого-человеческая иерархия и нетворческая, статическая ангело-звериная иерархия» [16].

В сборнике статей «Судьба России» 1914–1917 гг. Бердяев противопоставляет христиан и носителей принципа «блаженного равновесия», людей, стремящихся к спокойствию рая на земле. Он, напротив, приписывает христианству стремление к движению: «И судьба христианских народов – динамична, а не статична, как судьба народов Востока. Христианское человечество творит историю. Признание высшим благом счастья, благополучия, безболезненного состояния людей, прямых интересов данного поколения должно привести к застою, к боязни творческого движения и истории. Всякое творчество и всякая история есть любовь к дальнему, а не любовь к ближнему, любовь к ценности, а не к благополучию. Творчества и истории нет без моментов страдания и боли, без жертвы благом непосредственной жизни» [17. С. 186]. Бердяев неоднократно противопоставляет состояние движения статичному состоянию, придерживаясь мнения, что человечеству необходимо именно движение, а достижение статичного идеала невозможно: «Творческие задания исторического и мирового процесса не могут прекратиться и не может наступить состояние статическое, вечный счастливый покой. Человечество призвано идти ввысь, а не устраиваться на равнине. И высшая радость человеческая есть радость движения, а не радость бездвижности» [17. С. 186].

Цитата, приведенная выше, очень близка по смыслу словам из романа Замятина: «Вот: две силы в мире – энтропия и энергия. Одна – к блаженному покою, к счастливому равновесию; другая – к разрушению равновесия, к мучительно-бесконечному движению» [10. С. 322]. Слова принадлежат I-330, но здесь важно отметить, что произносит она их в диалоге с Д-503 и, как она выражается, «на твоём языке». Этим объясняется распределение оценок, того, что мучительно, а что несёт счастье. Ведь движение, разрушение равновесия для гражданина Единого Государства не что иное, как мука.

О состоянии гражданина Единого Государства, испытывающего страх перед близким Замятину «скифским» движением, равным бесконечной, безудержной скачке, герой говорит следующее: «И дальше сам с собою: почему красиво? Почему танец красив? Ответ: потому что это несвободное движение, потому что весь глубокий смысл танца именно в абсолютной, эстетической подчиненности, идеальной несвободе» [10. С. 213]. Это мысли, которые посещают Д-503 при взгляде на работающий станок. Таким образом, движение заменено здесь, как и пища граждан, на суррогат – искусственное движение, не позволяющее именно продвигаться, а призванное лишь повторять уже пройденный ранее путь вновь и вновь.

Е.И. Замятин, создавая образы Единого Государства и Благодетеля, явно стремится сделать акцент на их неподвижности: «А наверху, на Кубе,

возле Машины – *неподвижная*, как из металла, фигура того, кого мы именуем Благодетелем» [10. С. 213]. В случае с Благодетелем эта характеристика может создавать образ непоколебимого, вечного правителя, но в совокупности с описанием пространства создает картину полной неподвижности именно тех образов, которые олицетворяют мир антиутопии: «Все было на своем месте – такое простое, обычное, закономерное: стеклянные, сияющие огнями дома, стеклянное бледное небо, зеленоватая *неподвижная* ночь» [10. С. 250].

Делая вывод из вышесказанного, можно предположить, что человечество в мире замятинского «Мы» попало в описанную Бердяевым ситуацию, «устроившись на равнине», пребывая в состоянии «радости бездвижности». Антиутопичность созданного Замятиным мира характеризуется страхом обездвиженных людей: «Мне страшно шевельнуться: во что я обращусь? И мне кажется – все так же, как и я, бояться мельчайшего движения» [10. С. 309].

Ключевую роль в романе «Мы» играет I-330 – женщина, чей стихийный образ противопоставляется не только образу недвижимого Единого Государства, но и, что более важно в данном контексте, образу главного героя, рационального, статичного математика, строителя интеграла – Д-503. Важно это потому, что Бердяев также противопоставлял женскую природу мужской рациональности, признавая главенствующую роль женщины в будущем: «Характерным для нового средневековья мне представляется еще то, что в нем большую роль будет играть женщина. Исключительно мужская культура истощила и подорвала себя в мировой войне. И в последние годы великих испытаний женщина начала играть огромную роль, она оказалась на большей высоте. Женщина более связана с душой мира, с первичными стихиями, и через женщину мужчина приобщается к ним. Мужская культура слишком рационалистична, слишком далеко ушла от непосредственных тайн космической жизни, и возвращается к ним она через женщину» [2. С. 544–545]. Замятин, как и Бердяев, связывает женский образ с природой души. Именно после встречи с I-330 Д-503 чувствует в себе душу. Но главный герой боится своей души, для него это что-то архаичное, давно забытое, дикое, и только женщина способна заставить его страх перед собственной душой испариться: «– Неизлечимая душа! Бедненький мой! – I рассмеялась – и меня сбрызнула смехом: весь бред прошел, и всюду сверкают, звенят смешинки, и как – как все хорошо» [10. С. 276].

О. Хаксли тоже считает статичность, остановку истории и развития главной приметой Утопии. Лозунг дивного нового мира: «Общность. Одинаковость. Стабильность». Развитие этому миру не нужно, потому что оно предполагает движение через кризисы, а значит, угрожает стабильности. Поэтому новому миру не нужны выдающиеся люди, художественные шедевры и научные открытия – всё это подавляется и уничтожается в духе идей Шигалёва из «Бесов» Достоевского.

Но позитивной альтернативой для Хаксли становится не творческое движение (как у Бердяева или Замятина), а сохранение личностной само-

стоятельности, даже если оно не порождает ничего нового, а лишь сохраняет базовые человеческие ценности. В предисловии к роману «О дивный новый мир» писатель размышляет о «пути децентрализации» и «сообществе свободных личностей» [11. С. 7]. А путь революционного обновления жизни, по его мысли, лишь формирует в людях «нужду в эффективности и стабильности» и развивается в «благоденственную тиранию, воплощённую в Утопии» [11. С. 7].

Похожая логика действует у Хаксли в статье «Искусство и банальность», посвящённой задачам художественного творчества и миссии писателя. Британский мастер предлагает служить в творчестве базовым ценностям, наподобие любви, материнства, ответственности и т.д., стараясь в равной степени не попасть под влияние и массовой литературы, и революционно-новаторских ветвей искусства, которые, по его мысли, находятся в жёсткой корреляции [18. С. 483–487].

Как представляется, жизнь дикарей в резервации можно условно уподобить стихии «скифства» у Замятина и Бердяева. Читаем в предисловии к роману «О дивный новый мир»: «Дикарю предлагают лишь выбор между безумной жизнью в Утопии и первобытной жизнью в индейском селении, более человеческой в некоторых отношениях, но в других – едва ль менее странной и ненормальной» [11. С. 6]. То есть Хаксли, как и Бердяев, считает дикарство, варварство, «скифство» лишь очередной крайностью, которую следует преодолеть, но не стремиться к ней как к источнику, способному излечить человечество. Хаксли сам себя критикует за подход, выбранный им при создании антиутопического романа: он дал дикарю только два пути (остаться дикарем или присоединиться к антиутопическому обществу). В том же предисловии автор подчеркивает: «Если бы я стал сейчас переписывать книгу, то предложил бы Дикарю третий вариант» [11. С. 6].

Идея об особой роли женского начала, важная для Замятина и Бердяева, у Хаксли не имеет продолжения. Ленайна и другие героини (как и Джулия у Оруэлла) живут, движимые физиологическими потребностями, практическими социальными ориентирами (зримыми приметами социального успеха), интересами в области косметики и одежды и т.д. Возвышенные духовные устремления им чужды. Это не стоит воспринимать как возможное доказательство независимости художественной концепции Хаксли от Замятина, ведь у Оруэлла, несмотря на признанное автором влияние русского романиста, образ женского начала выстроен так же. Возможно, это отражение британского взгляда на эту частную тему.

Подведём итоги. Н. Бердяев становится важным посредником между О. Хаксли и русской антиутопической традицией. Эта роль особенно значима в контексте западной адаптации наследия Достоевского. Переключки между романом «О дивный новый мир» и «Великим инквизитором» Достоевского, при невозможности доказать факт чтения этого текста английским писателем, можно объяснить изложением основных идей классика у русского философа-эмигранта. Это могло как подтолкнуть Хаксли к прочтению «Братьев Карамазовых» и названного вставного текста этого рома-

на, так и стать источником опосредованного знакомства британского мастера с концепцией русского романиста. При этом, даже не прочитав «Великого инквизитора», Хаксли мог сознательно ориентироваться на этот контекст, считать себя продолжателем идей Достоевского, как он их понял в пересказе Бердяева.

Вопрос о посредничестве между Хаксли и Замятиным содержит немало больше неопределённости, поскольку нет устойчивых связей между Бердяевым и автором романа «Мы». Здесь прямые линии преемственности не выстраиваются, скорее, ещё раз подчеркивается невозможность рассматривать Хаксли в отрыве от русской традиции. Важными тематическими линиями возможной преемственности в цепи Замятин – Бердяев – Хаксли можно признать антиномии движения и статики, дикарского (скифского) и цивилизованного. При этом Бердяев может быть как посредником между Замятиным и Хаксли, так и их общим учителем в этих тематических рамках.

Родство между Замятиным и Хаксли может объясняться и на основе их общего английского источника (традиции Г. Уэллса), но это предмет другого исследования.

Рецептивный посредник не только обеспечивает «доставку» до читателя каких-то художественных идей и принципов, но может также оказывать влияние на направление их переосмысления. Так, объективно Достоевский пишет до возникновения историософской концепции окончания Нового времени и начала Нового Средневековья, но, попав в такую литературную и философскую среду восприятия, приобретает дополнительные оттенки и смысловые обертоны. Так, особое значение приобретает сам условный колорит испанской инквизиции в «Великом инквизиторе». Контекст противопоставления Средневековья и Нового времени здесь приобретает как бы постфактум (он изначально или отсутствовал, или не играл центральной роли, но был привнесён и заново акцентирован продолжателями литературной и философской традиции). Правда, у Достоевского в этой связи важнее не антитеза рационально цивилизованного и дикарски-стихийного («варварского», если понимать эту тему в перспективе параллелей со Средневековьем), как у Замятина или Хаксли, а противопоставление разума и религиозно-мистического начала (а в другом аспекте, важном в контексте утопического, также антиномия прогрессистского и эсхатологического).

Изучение этого комплекса вопросов можно отнести к перспективам исследования.

Список источников

1. Шарипова К.И. Функции литературных цитат в романе О. Хаксли «О дивный новый мир» // *Дневник науки*. 2019. № 11 (35). С. 36–43.
2. Бердяев Н.А. *Философия неравенства* / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
3. Hoyles J. *The Literary Underground: Writers and the Totalitarian Experience, 1900–1950*. N.Y. : St. Martin press, 1991. P. 121–123.
4. Huxley A. *Brave New World*. Island : Georges Borchardt, Inc, 1932. 367 p.

5. Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир. М. : Астрель, 2012. 192 с.
6. Muchnic H. Dostoevsky's English reputation (1881–1936). Octagon books, 1969. 219 p.
7. Huxley A. Those Barren Leaves. L. : Paris, 1947. 320 p.
8. Хаксли О. Контрапункт. СПб. : Амфора, 1999. 608 с.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 15. 624 с.
10. Замятин Е.И. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Русская книга, 2003. Т. 2. 592 с.
11. Хаксли О. О дивный новый мир. СПб. : Азбука-классика, 2005. 256 с.
12. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. Роман и художественная публицистика / сост., подгот. текста В.С. Муравьев, А.М. Зверев, А.А. Файнгар и др. М. : Прогресс, 1989. 384 с.
13. Russell R. Zamyatin's We. Bristol : Bristol Classical Press, 1999. 137 p.
14. Фолкнер о себе // Иностранная литература. 1959. № 2. С. 283–284.
15. Казнина О.А. Е.И. Замятин и религиозно-философская антиутопия (критика социального утопизма в творчестве Е.И. Замятина и Н.А. Бердяева) // Соловьевские исследования. 2015. Вып. 3. (47). С. 157–170.
16. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Электрон. б-ка. az.lib.ru. 2018. URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1927_smysl_tvorchestva.shtml (дата обращения: 17.09.2021).
17. Бердяев Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М. : Philosophическое общество СССР, 1990. 240 с.
18. Хаксли О. Искусство и банальность // Называть вещи своими именами: прогр. выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. М. : Прогресс, 1986. С. 483–487.

References

1. Sharipova, K.I. (2019) Functions of literary quotations in A. Huxley's novel "Brave New World". *Dnevnik nauki*. 11 (35). pp. 36–43.
2. Berdyaev, N.A. (2012) *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
3. Hoyles, J. (1991) *The Literary Underground: Writers and the Totalitarian Experience, 1900–1950*. N.Y.: St. Martin press. pp. 121–123.
4. Huxley, A. (1932) *Brave New World*. Island: Georges Borchardt, Inc.
5. Huxley, A. (2012) *Vozvrashchenie v divnyy novyy mir* [Brave New World Revisited]. Moscow: Astrel'.
6. Muchnic, H. (1969) *Dostoevsky's English reputation (1881–1936)*. Octagon Books.
7. Huxley, A. (1947) *Those Barren Leaves*. London: Paris.
8. Huxley, A. (1999) *Kontrapunkt* [Point Counter Point]. Translated from English. St. Petersburg: Amfora, 1999. 608 s.
9. Dostoevskiy, F.M. (1976) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 15. Leningrad: Nauka.
10. Zamyatin, E.I. (2003) *Sobr. soch.: v 5 t.* [Collected works: in 5 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkaya kniga.
11. Huxley, A. (2005) *O divnyy novyy mir* [Brave New World]. Translated from English. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
12. Orwell, J. (1989) *"1984" i esse raznykh let. Roman i khudozhestvennaya publitsistika* [1984 and essays from different years. Novel and art journalism]. Translated from English. Moscow: Progress.
13. Russell, R. (1999) *Zamyatin's We*. Bristol: Bristol Classical Press.
14. Faulkner, W. (1959) Folkner o sebe [Faulkner about himself]. *Inostrannaya literatura*. 2. pp. 283–284.

15. Kaznina, O.A. (2015) E.I. Zamyatin i religiozno-filosofskaya antiutopiya (kritika sotsial'nogo utopizma v tvorchestve E.I. Zamyatina i N.A. Berdyayeva) [E.I. Zamyatin and religious and philosophical dystopia (criticism of social utopianism in the works of E.I. Zamyatin and N.A. Berdyayev)]. *Solov'evskie issledovaniya*. 3 (47). pp. 157–170.

16. Berdyayev, N.A. (2018) *Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka* [The meaning of creativity. An experience of human justification]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1927_smysl_tvorchestva.shtml (Accessed: 17.09.2021).

17. Berdyayev, N.A. (1990) *Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii vojny i natsional'nosti* [The fate of Russia. Experiments on the psychology of war and nationality]. Moscow: Filosofskoe obshchestvo SSSR.

18. Huxley, A. (1986) *Iskusstvo i banal'nost'* [Art and banality]. Translated from English. In: *Nazyvat' veshchi svoimi imenami: progr. vystupleniya masterov z.-evr. lit. XX veka* [To call a spade a spade: flagship speeches of the masters of the West-European literature of the 20th century]. Moscow: Progress. pp. 483–487.

Информация об авторах:

Быстренков Д.Л. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: inkisback@mail.ru

Казаков А.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: aakaz1975@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.L. Bystrenkov, postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: inkisback@mail.ru

A.A. Kazakov, Dr. Sci. (Philology), professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aakaz1975@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.01.2022;
одобрена после рецензирования 19.04.2022; принята к публикации 18.07.2022.*

*The article was submitted 21.01.2022;
approved after reviewing 19.04.2022; accepted for publication 18.07.2022.*